

Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская

НЕКОТОРЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И СРЕДСТВА ПОДДЕРЖАНИЯ БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОЙ УНИАТСКОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В XVII—XIX ВЕКАХ*

Брестская церковная уния и ее эволюция, получившие во многих своих сущностных проявлениях взаимоисключающие оценки, а в некоторых и весьма близкие даже из противоположных вероисповедных лагерей, остается непознанным феноменом не только со стороны литургической, но и обще- и национально-культурной. «...Уния является областью разрыва в культуре, ... не только отрывом новой части от материка, но также разрывом внутренним, источником противоречий в себе самой и источником конфликтов внешних», — так считает ныне один из наиболее авторитетных исследователей восточно- и южнославянской религиозной культуры профессор Краковского университета А. Намум¹. В нашей же постановке вопроса на первое место выдвигается проявление герменевтической однородности и предполагается рассмотрение средств ее поддержания.

Собственно сама историческая ситуация предопределила первоначальное принятие или, точнее, приятие всего основного литургического корпуса новоявленными униатами от Православия. Да и сами они от сельского клирика до благочинного, а отчасти и выше, с точки зрения чисто обрядовой, мало чем отличались на протяжении (по крайней мере, жизни своего поколения и в некоторой степени последующего) от православных. То же, но еще в большей степени, касалось униатов-мирян, особенно сельских «простецов», крестьян. Здесь в силу вступали законы традиции, безусловно эволюционирующей, но, конечно же, не столь заметно и совсем не революционно, как того требовали и требуют те или иные постановления, предписания, тем более в сфере глубоко интимной, духовной. Любопытно, что за свою многовековую историю западные христианские литургии в конце концов приобрели «национальный» характер², а, например, иудейские не только в течение тысячелетий были одним из важнейших стержней еврейского национального единения, но и после утраты ивритом живых разговорных функций, едва ли не главнейшим очагом функционирования последнего и условием сохранения, с последующим тотальным возрождением и огосударствлением. Любое из литургических пространств, существуя с той или иной продолжительностью, предполагает наличие неких правил реализации самой литургии, которая первоначально имела характер импровизации и лишь затем постепенно превращалась в ритуал. По определению современных ведущих польских католических богословов, «служба, именуемая литургией, осуществляется для блага общины верующих..., по сути своей является связью между Богом и людьми»³. Впрочем, предлагавшиеся дефиниции понятия «литургия» не могут считаться достаточными, о чем говорят практически все теологи и религиоведы в мире. Литургия — универсальная мистерия, имеющая наряду с «национальными» и региональными особенностями, порой сугубо местного свойства, трансцендентную основу. Одна из творческих сторон этой мистерии, ее активные участники — клир и сообщество мирян, которые являются во всех их вероисповедных проявлениях необходимой составляющей литургического пространства. В нашей же постановке вопроса на первое ме-

* Исследование осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (98-04-06057)

¹ Naumow A. Unia religijna jako rozdarcie kultury // *Slavia Orientalis*. 1993. № 2. S. 208.

² См., напр.: Катанский А. Л. Очерк истории древних национальных литургий Запада. СПб., 1870; Cabbet R. Histoire de la messe: Des origines à nos jours. Paris, 1990.

³ *Katolicyzm A-Z*. Poznań, 1989. S. 228.

сто выдвигается проявление герменевтической однородности и предполагается рассмотрение средств ее поддержания.

Языки литургии всегда принадлежали к тем семиотическим системам, которым отводилась особая роль в жизни человечества. Довольно условно языки эти можно было бы назвать сакральными. В изучении их общих свойств и закономерностей функционирования сделано пока что слишком мало, что, правда, не мешает современным ученым строить отдельные далеко идущие выводы и на имеющемся материале⁴. Не приходится говорить, что и от создания лингвистической модели литургического языка, частной по отношению к модели литургического языка вообще, мы еще очень далеки. Исключительно языковедческие методы здесь явно недостаточны. Составляющая языка литургии далеко не тождественна динамической структуре литургического языка. В этой связи очень показательны усилия западных ученых различной вероисповедной ориентации, а в последнее время и российских, постепенно подходящих к проблеме не только с прагматической, но и теоретической стороны.

Собственно об униатской (иначе греко-католической) литургии на Востоке Европы известно очень мало. Эта проблема почти не изучалась. В свое время мы рецензировали, пожалуй, лучшую монографическую работу, посвященную одному из важных частных вопросов этой непростой для исследователя тематики⁵. В целом же исследователи смогли лишь пока приблизиться к ее изучению, о чем свидетельствуют прежде всего труды представителей ордена базилиан (василиан)⁶, выгодно отличающиеся от немногочисленных пока работ современных католических теологов, пробовавших писать на те же темы⁷. Впрочем, не только униатская восточнославянская литургия, но и традиционная событийная история униатской (греко-католической) церкви не получили до сих пор сколько-нибудь обстоятельного освещения. Даже орден базилиан не имеет такой синтетической истории, если не считать книги очерков о нем, опубликованной в преддверии празднования 400-летия Брестской церковной унии⁸. А ведь базилиане, по словам А. Брюкнера, повторенным затем в трудах многих европейских ученых, были «для унии тем», «чем иезуиты были для католицизма»⁹.

Если на белорусских землях церковная уния распространилась уже в начале XVII в., то значительная часть украинских земель попала в орбиту ее действия лишь столетие спустя. В 1693 г. к унии присоединилась перемышльская епархия, в 1700 г. — львовская, в 1702 г. — луцкая. «С 1702 г. к киевской греко-католической митрополии принадлежало восемь епархий: митрополичья киевская, полоцко-витебская, владимирско-брестская, пинско-туровская, луцко-острожская, львовско-галицкая, перемышльско-самборская и холмско-белская»¹⁰. Нужно отметить, что абсолютное большинство верующих в этих епархиях составляли крестьяне, и вся эта огромная несколькомиллионная масса и была одним из главнейших компонентов униатского литургического пространства начиная с XVII столетия.

⁴ См., напр.: Мечковская Н. Б. Кирилло-мефодиевское наследие в филологии Slavia Orthodoxa и языковые вопросы в русском православии XX века // Славяноведение. 2000. № 2. С. 3—17.

⁵ См.: Лабынцев Ю. А. Интегральное исследование о белорусских и украинских «Литургиконах» XVI—XIX вв. // Бюллетень МАИРСК. 1992. № 26. С. 107—108.

⁶ См., напр.: Соловій М. Божественна Літургія: Історія-Розвиток-Пояснення. Рим, 1964; Ваврик М. М. До історії Службника в Українській Католицькій Церкві в 2-ій половині 17-го ст. // *Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Romae*, 1979. Т. XVI. С. 98—142; Он же. Службник митр. К. Жоховського 1692 г. (Генеа й аналіза) // *Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Romae*, 1985. Т. XVIII. С. 311—341; Huculak L. D. The Divine Liturgy of St. John Chrysostom in the Kievan Metropolitan Province during the period of the Union with Rome (1596—1839). Rome, 1990.

⁷ См. напр.: Narbutt O. Historia i typologia ksiąg liturgicznych bizantyn wsłoko-słowian wsłkich: Zagadnienie identyfikacji według kryterium tres tniowego. Warszawa, 1979.

⁸ См.: Нарис історії Василяського чину Святого Йосафата. Рим, 1992.

⁹ Brukner A. Dzieje kultury polskiej. Warszawa, 1958. Т. 3. С. 422.

¹⁰ Historia Kościoła w Polsce. Poznań-Warszawa, 1974. Т. 1. Cz. 2. S. 463.

Тесно соприкоснувшись с миром западной литургической культуры уже в первой половине XVII в., базилиане, многие из которых получили богословское образование в различных католических школах, включая высшие, в том числе и в Риме, в середине столетия обращают свое внимание и на униатскую литургию, точнее на литургическую практику тогдашней униатской церкви. Первоначально этот интерес носил чисто компаративистский характер и как-то связывался с литургическим чином в самих базилианских монастырях. Основы создания собственной литургии были заложены позднее, и огромную роль в этом сыграл митрополит Киприан Жоховский, издавший в 1695 г. в Супрасльском Благовещенском монастыре первый униатский служебник — «Летургикон», который являлся прототипом-протографом для всех униатских служебников XVIII—первой половины XX в.¹¹ Реформа униатского митрополита Киприана не была делом быстрым и одномоментным. Справедливости ради необходимо упомянуть труды одного из предшественников этой реформы, а затем и ее творцов протоархимандрита базилианского ордена Пахомия Огилевича (1624—1690-е годы). Его перу принадлежит ряд историко-литургических исследований и переводов литургии, которые при жизни он опубликовал в Вильно и Кракове, а затем они неоднократно переиздавались в Почаеве и Львове¹². В 1683 г. на совещании у папского нунция в Варшаве было решено начать издание литургических книг для белорусско-украинских униатов и создана специальная литургическая комиссия, в которую вошли митрополит Киприан Жоховский (ее глава), епископы Яков Суша, Маркиан Белозор, Лев Заленский и наиболее образованные представители ордена базилиан — о. Пахомий Огилевич и о. Самуил Пилиховский, а также иезуит Теофил Рутка¹³.

Руководитель этой литургической комиссии (он же униатский митрополит и архимандрит Супрасльского монастыря, правда, самозванный) прекрасно понимал, что для регулярного издания униатской литургической книжности, постоянно совершенствуемой, необходимы особые условия, частью которых стало бы и специальное издательство с целым штатом справщиков — редакторов-текстологов, найти которых можно было лишь в монастырской среде, то есть среди базилиан, хотя в оппозиции к последним постоянно находилось белое униатское духовенство, позднее прямо обвинившее орден в полонизации и латинизации жизни униатской церкви. Впрочем, и сами униатские митрополиты постоянно были в весьма сложных отношениях с орденом, так как базилиане, подобно иезуитам, согласно положению подчинялись непосредственно Ватикану, а не им или же местным униатским епископам.

Едва ли случайно было избрано место, где предполагалось создать специальную типографию для издания униатских литургических книг, — Супрасльский монастырь, славившийся своими книжными традициями и особым статусом, правда, в силу оговоренных ктиторами монастыря условий формально не принадлежавший базилианскому ордену и находившийся в ведении митрополита¹⁴. Однако первоначальное желание митрополита Киприана Жоховского основать в 1680-е годы в Супрасле типографию не было осуществлено. Причиной тому явилось сопротивление монахов обители, не одобрявших кандидатуру митрополита, стремившегося к тому же с 1670-х годов занять богатую Супрасльскую архимандрию¹⁵. Лишь после смерти в 1691 г. супрасльского архимандрита Иосифа Михневича Киприану Жоховскому представилась возможность стать во главе монастыря¹⁶,

¹¹ В 1942 г. Украинская Католическая Церковь приняла новый текст служебника на церковнославянском языке.

¹² См., напр.: Ohilewicz P. *Esphonemata liturgiey greckiey*. Wilno, 1671.

¹³ См.: Welykyj A. *Epistolae Metropolitanum Cath. Kioviensium*. Romae, 1958. Т. 3. Р. 74—75.

¹⁴ См.: Модест, архим. Документы, относящиеся к истории Супрасльского монастыря // Вестник Западной России. 1861. Т. 2. Вып. 7. С. 26.

¹⁵ См.: Николай (Далматов), архим. Супрасльский Благовещенский монастырь: Историко-статистическое описание. СПб., 1892. С. 174—187.

¹⁶ Там же. С. 187—199.

уже не раз снабжавшего митрополита деньгами, часть которых, видимо, предназначалась на заведение типографии.

В середине 1680-х годов к числу лиц, активно содействующих созданию униатской литургии, присоединяется протоархимандрит базилианского ордена Иосиф Петкевич, который на Новогрудской конгрегации 1686 г. предлагает митрополиту несколько кандидатур из числа ученых базилиан для подготовки литургических текстов¹⁷.

В конечном итоге Киприан Жоховский начал печатать свой служебник в Вильно, для чего, видимо, употребил и деньги, взятые им в Супрасльском монастыре. К началу 1693 г. печатание служебников в Вильно было прекращено, и Киприан Жоховский (не ранее 25 февраля 1693 г.) отдал распоряжение о перевозке их в Супрасль. Одновременно в Супрасльский монастырь было перевезено и оборудование типографии виленских базилиан, в том числе печатный станок¹⁸. Официальные документы сообщают, что привезенные Киприаном Жоховским 1300 экземпляров неоконченного служебника были даны монастырю митрополитом в залог взятых им денег. Составление документов о залоге пришлось для монастыря весьма кстати, так как в том же 1693 г. Киприан Жоховский умер во время очередного посещения Супрасля¹⁹. Невозможность получения крупного долга митрополита от его наследников заставила монастырь и руководство базилианского ордена подписать в сентябре 1694 г. новый документ, признающий полной собственностью монастыря 500 экземпляров служебника из числа оставленных Киприаном Жоховским в залог. В документе ничего не говорится о судьбе остальных 800 экземпляров служебника, находившихся в монастыре, однако, в долей большей вероятности можно предположить, что монастырь и большинство из них получил в свою собственность, так как почти все их экземпляры, сохранившиеся до наших дней, имеют в конце приплет, состоящий из листов, допечатывавшихся в Супрасле. На последнем из этих допечатывавшихся в Супрасле листов читаем: «Сей служебник... окончася в с. лавре Супрасльской. Року божия 1695, сентября, дня 21». Все это говорит о том, что Супрасльский монастырь воспользовался привезенным митрополитом Киприаном Жоховским оборудованием типографии виленских базилиан и, получив в свою собственность не допечатанные в Вильно служебники, допечатывал их в Супрасле. В свое время в монастырском архиве было дело № 8 «О типографии с 1694 года»²⁰. Именно эту дату — 1694 г. (не ранее 7 сентября) — и следует считать началом работы типографии в Супрасле, хотя типографское оборудование, вывезенное из Вильно, находилось здесь уже с 1693 г. Допечатывание служебника в Супрасле производилось под руководством архимандрита монастыря Симеона Киприановича (или, как в колофоне, Циприановича), который был редактором допечатываемой части. Супрасльские издатели оставили прежний титульный лист книги, награвированный известным художником Леонтием Тарасевичем, на котором имеются следующие выходные сведения: «в Вилни... в лето... 1692 года». Оставлено было предисловие к служебнику от лица Киприана Жоховского, а также гравированное изображение протектора (патрона) базилианского ордена князя К. С. Радзивилла, который, как это следует из предисловия, оказывал митрополиту помощь в издании книги²¹.

Анализ всех без исключения подготовительных материалов к изданию «Летургикона», осуществленного митрополитом Киприаном Жоховским, говорит о том, что его служебник представляет

¹⁷ См.: Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1900. Т. 12. С. 124.

¹⁸ См., напр.: Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна. 1870. Т. 9. С. 310—311.

¹⁹ ПСРА. М., 1975. Т. 32. С. 196.

²⁰ См.: Модест, архим. Документы, относящиеся к истории Супрасльского монастыря // Вестник Западной России. С. 1—10.

²¹ Летургикон. Вильно-Супрасль, 1692—1695. Л. 5 об.

собой произведение, о котором он с полным правом мог сказать»: «... сия книга... мною и в моя времена изновлена»²². При подготовке этого издания маловостребованным оказался даже труд такого замечательного литургиста из числа монахов базилианского ордена, как Самуил Пилиховский²³. Приоритет митрополита и его роль в становлении униатской литургии несомненны, и это признается и нынешними учеными из числа представителей базилианского ордена, которые прямо пишут о том, что «... Службник митр. К. Жоховского... до сих пор живет в литургии Укр. Кат. Церкви»²⁴.

На протяжении всей истории языка церкви, в том числе и восточнославянской униатской, претерпевали постоянные изменения. Это касалось и языков литургических книг, включая и церковнославянский — язык восточнославянской униатской литургии. Несмотря на постепенную латинизацию всей жизни униатской восточнославянской церкви, церковнославянский язык оставался едва ли не главным связующим звеном с общей кирилло-мефодиевской культурной традицией, основой в определении этнокультурного родства униат, принадлежности их к особому пограничному миру между Западом и Востоком, границей, отделяющей их от сообщества католиков-латинян, прежде всего поляков, если вести речь о рассматриваемом времени. Впрочем, нужно заметить, что в ту пору в униатской церковной жизни церковнославянский язык, естественно, не был единственным²⁵. Языками церкви, функционировавшими в ее повседневном быте, делопроизводстве и т. д., были, по крайней мере, польский, местные народные говоры, часто обозначаемые определением «русский», и в малой степени, почти исключительно в среде ученого монашества и епископата, латинский. В письменной практике использовался и некий языковой конгломерат, который ученые до сих пор собирательно именуют «простой мовой». Все эти языки в той или иной форме и виде преподавались в различных униатских школах, что способствовало сохранению весьма пестрой и разнообразной языковой картины, которую Н. И. Толстой охарактеризовал так: «Едва ли можно на территории греко-славянского мира... обнаружить аналогичное положение, где бы бытующие «типы», «варианты» или, лучше сказать, различные манифестации литературного языка образовывали столь широкий спектр, с многочисленными переходами и оттенками, в котором на одном фланге находился польский язык (тоже славянский!), а на другом — древнеславянский в довольно чистом виде (т. е. близкий к языку эпохи второго южнославянского влияния — XIV—XV вв.)»²⁶.

В обучении церковнославянскому языку мирян у униат ведущую роль играли местный клир, всевозможные, правда, весьма немногочисленные, школы и собственно сама литургическая служба. К концу XVII в. в восточнославянской униатской церкви значительно окрепла позиция польского языка, а латинской (польской) графикой стали записываться и даже перепечатываться отдельные церковнославянские тексты. Польский постепенно оказался, так сказать, ведущим бытовым и письменным языком в восточнославянской униатской церкви. Совсем не случайно первый историограф этой церкви базилианин Игнатий Кульчинский (1694—1741) писал: «... польский язык... в этих наших краях мы монахи... как родной во всех случаях... обычно использу-

²² Там же.

²³ До наших дней сохранился его рукописный «ЛІТУРГІАРИОН снестъ СЛУЖБНИКЪ», подаренный после смерти о. Самуила митрополитом Киприаном Жоховским Супрасльскому монастырю (см. запись последнего на титульном листе книги: «...Службник... монастыреви Супраслкому надан року 1693 мсца авгус 13 дня» — Отдел рукописей Научной библиотеки Академии наук Литвы. Ф. 19—192).

²⁴ Ваврик М. М. Службник митр. К. Жоховського 1692 г. С. 341.

²⁵ Наши многолетние наблюдения над восточнославянской униатской книжностью показывают, что греко-католики уже в XVII в. начинают использовать в отдельных весьма немногочисленных случаях и греческий язык в некоторых молитвословиях. Все это касалось литургий в базилианских монастырях или же литургий, которые служились митрополитами и некоторыми униатскими епископами.

²⁶ Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 61.

ем»²⁷. В широком же народном обиходе польский наряду с местными говорами стал почти полнокровным живым языком, на котором осуществлялось общение не столько в пределах своего прихода или точнее униатской общины, а более всего вне ее. При этом польский язык к тому времени по уровню различного рода нормализации, в том числе и в письменной практике, явно доминировал над местным «русским» языком. Польский связывал не только с миром государственным чиновников, высшей иерархии, владельцев поместий, но и западной культуры вообще. Церковнославянский в литургии виделся атрибутом самобытности и был наряду с латинским у католиков полноправным языком обращения к Высшему.

Несмотря на временные утраты, восточнославянские униаты довольно рано поняли всю ценность для их церкви церковнославянского языка. Уже Иосафат Кунцевич в бытность свою полоцким архиепископом провозглашал в своих «Уставах» необходимость сохранения некоторых чтений на церковнославянском языке не только на литургии²⁸. В базилианских школах церковнославянский язык преподавался и в XVII и в XVIII в., хотя, конечно же, составить достаточно точное представление о характере такого обучения за столь долгий срок из-за недостатка документальных материалов не представляется возможным. Счастливое исключение — период деятельности Эдукационной комиссии, генеральные визитаторы которой собрали довольно много сведений на этот счет²⁹. Впрочем, сама эта комиссия никакого практического отношения к преподаванию церковнославянского языка не имела. Обучение ему было делом самой церкви и только. Естественно, оно не прекратилось и после ликвидации комиссии³⁰. В специальных униатских школах для будущего приходского клира обучение языкам, в том числе и церковнославянскому, носило более интенсивный характер, и уровень этих школ к концу XVIII в. был весьма высок. Впрочем, и об этих школах известно еще явно недостаточно³¹.

В 1720 г. в Замостье собрался собор (синод) восточнославянской униатской церкви, которому предстояло войти в историю в качестве поворотного момента в ее внутренней жизни. Замостский собор явился новым, по существу реформационным, этапом в унификации литургической практики этой церкви, в конечном счете, способствовавшей ее латинизации. И даже если допустить, что мнения ряда ученых, в основном православной ориентации, о провозглашении тотальной «латинизации обряда в униатской церкви» преувеличены³², тенденция к узакониванию этого процесса, несомненно, имела место³³.

²⁷ Kulczynski I. Menologium bazylianckie. Wilno, 1771. S. 5.

²⁸ См., напр.: Карский Е. Ф. Белорусы. Пг., 1921. Т.3. Ч.2. С. 143.

²⁹ См., напр.: Raporty generalnych wizytatorów szkół Komisji Edukacji Narodowej w Wielkim Księstwie Litewskim (1782—1792). Wrocław, 1974.

³⁰ См., напр.: Савич А. Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусі в XVI—XVIII вв. Київ, 1929. С. 295—298.

³¹ См., напр.: Senyk S. The Education of the secular Clergy in the Ruthenian Church before the Nineteenth Century // *Orientalia Christiana Periodica*. 1987. № 53. P. 387—416.

³² См., напр.: Чистович И. Очерк истории Западно-Русской Церкви. СПб., 1884. Ч. 2. С. 378—382; Павлович С. К. Опыт истории Замойского униатского провинциального собора (1720 г.). Гродно, 1904; Зноско К. Латинизация православного Богослужения в Униатской церкви. Warszawa, 1932.

³³ См., напр.: Lojacono P. Un tentativo di conciliazione tra Occidente latino e Oriente greco Considerazioni sul Sinodo di Zamist' // *L'Ucraina del XVII secolo tra Occidente ed Oriente D'Europa*. Kyiv—Venezia, 1996. P. 483—509.

Вообще географическая близость к Западу и миру *Slavia Latina* всегда оказывала самое непосредственное влияние на культурную жизнь белорусских и украинских земель начиная с самого раннего времени. Все это прямым образом сказалось и на тамошней православной жизни, жизни Церкви. Изменения в сравнении с тем, что имело место быть в Московском государстве, оказались весьма заметными и в православной литургии и в целом в православном обряде. На это обращали внимание многие тогдашние выходцы из Московии, по тем или иным причинам оказавшиеся вне ее границ. В еще большей степени это было заметно на примере прибывших в Московию деятелей православия с Украины и Белоруссии. Эту разницу, например, весьма ощущал московский перебежчик князь Андрей Курбский, произведения которого, апо-

Инициатором созыва Замостского собора был митрополит Леон Кишка, недавний протоархимандрит базилианского ордена. В 1715 г. в своей просьбе, адресованной в Ватикан, он предлагал созвать такой собор для решения следующих основных задач: 1) осуждения учения русских старообрядцев; 2) установления границ ряда епархий; 3) узаконения процедуры поставления епископов; 4) введения единообразия в литургии. Проект митрополита обсуждался под руководством папского нунция в течение нескольких лет, и к указанным задачам был добавлен еще дополнительный их перечень. Решения собора оказались объединенными почти в два десятка особых параграфов, среди которых ряд прямо или косвенно относился к проблеме организации и реализации литургической практики³⁴. Принятые в 1720 г. в Замостье решения собора Ватикан утвердил в 1724 г., и только с 1725 г. они стали обязательны для униатской церкви.

Узаконив изменения, внесенные в униатскую литургию на протяжении XVII—начала XVIII в., и по сути признав супрасльский «Летургикон» митрополита Киприана Жоховского неким основополагающим литургическим текстовым корпусом³⁵, Замостский собор в лице его инициатора высказал озабоченность серьезнейшей проблемой адекватного восприятия и толкования литургических текстов прежде всего самим униатским миром. Данное положение, видимо, давно заботило Леона Кишку, искавшего способы его разрешения уже, по крайней мере, с 1710-х годов. Постепенно он пришел к мысли о том, что одним из действенных и совершенно необходимых средств для этого должно стать создание и издание соответствующих словарей, наиболее доходчиво и точно толкующих церковнославянские слова и выражения, связанные с литургическим чином. Именно словари имели бы первостепенное значение для достаточно быстрого и всеохватывающего изменения существующего положения в лучшую сторону, став важнейшим средством поддержания герменевтической однородности всего униатского литургического пространства.

18 января 1722 г. в Супрасльском монастыре, архимандритом которого Леон Кишка являлся с 1708 г., был выпущен в свет «Лексикон сиреч словесник славенский, имеющ в себе словеса перее Славенския, Азбучныя, посем же Польския», отпечатанный кириллицей и латиницей³⁶. Несмотря на анонимность «Лексикона», о котором специально говорилось и на Замостском соборе³⁷, одного из возможных его авторов назвать необходимо. Это сам Леон Кишка — талантливый церковный писатель³⁸. В ходе Замостского собора Леон Кишка добился для Супрасльского монастыря монополю-

логетически православные по своей направленности, переписывались уже с внесением в кирилловскую графику чисто латинографических элементов (см., напр.: кирилловскую **W** переданную как латинское **W** — Отдел рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. I. 4071. Л. 391 и др.

³⁴ См. решения собора: *Synodus Provincialis Ruthenorum habita in civitate Zamosciae anno 1720. Romae, 1724* и другие издания; а также исследования, где особое внимание уделяется именно этому вопросу на соборе: Амвросий (Лотоцкий), архим. Взгляд православного на Замосцкий собор, бывший в 1720 году // Труды Киевской Духовной Академии. 1862. С. 396—427; Bilanych J. *Synodus Zamostiana an. 1720. Rome, 1960*.

³⁵ Как показывают наши наблюдения, Льву Кишке принадлежит заслуга дальнейшей работы над униатским литургическим чином. Так в 1716 г. в Супрасле его стараниями был издан «Понтификал си есть Службеник Святительский», кстати содержащий указание на необходимость пения некоторых молитвословий на греческом языке (см., напр.: л. 9 и 9 об. — «Святитель с священники, и диаконы поеть... Трисвятое гречески», «Поему Трисвятому Гречески...» и т. д.). По инициативе Льва Кишки была начата и работа над новым изданием служебника, который стали печатать в Супрасле же в 1727 г.

³⁶ Подробнее см.: Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Супрасльский церковнославяно-польский словарь 1722 г. Минск, 1995.

³⁷ См.: Собрание припадков. Супрасль, 1722. Л. 1 об.

³⁸ Леон Кишка — автор многих книг, в том числе напечатанных в дорогом ему Супрасльском монастыре, в котором он создал крупнейший униатский издательский центр, знаменитый проповедник, знаток нескольких новых и древних языков, оставивший после себя многотомные воспоминания. Леон Кишка (светское имя Лука) родился в 1668 г. на Волини. Учился в Бытенском монастыре, где в 1683 г. стал членом базилианского ордена, затем в Риме. Получив степень докто-

го права на издание и продажу кирилловской церковной литературы новой редакции, утвержденной собором. Это способствовало укреплению материальной базы издательского центра в Супрасле, получению монастырем большого дохода от реализации его книжной продукции, позволившего начать в обители и вне ее большое строительство, в том числе возвести резиденцию в Варшаве³⁹.

Супрасльский «Лексикон» был напечатан одновременно с еще одним важным для нашей темы изданием, составившим с ним как бы единый блок из двух отдельных книг. Книгой этой стало «Собрание припадков краткое и духовным особам потребное», предварившее «Лексикон». «Собрание» содержало в своих вступительных статьях ряд документов, касающихся формирования структур поддержания однородности функционирования униатского литургического пространства⁴⁰, являясь своего рода развернутым Катехизисом, предназначенным для парохов, то есть униатских священников⁴¹.

Цели составителей и издателей «Лексикона» были весьма лапидарно изложены в кратком «Предисловии к Читателю», помещенным в его начале:

Съ ненсчѣтною бѣлестію срѣца, њ ѡзвою оутрѣвы неоудѣвь њсцѣлною; изъвѣрѣли Искѣсителѣе, њлѣи Бѣдминаторове, поставлѣемыхъ въ Іерейство Людѣи, ѡко сѣтныи Іерей, ѣдва Славѣнскѣи разѣмѣветъ ѡзѣкъ, невѣдѣи что чтѣтъ, въ Бжѣствѣной Слѣжѣѣ, съ погѣвелію своѣмъ, њ порѣченныхъ Паствѣѣ ѣго, дѣтъ Крѣвѣю Гѣ да Бѣа њшго Іса Ха њскѣплѣнны, сѣеже все њскѣсно вѣсть текѣщаго Годѣ, њ мнозѣ ѡрнѣвенни ѡ рѣкоположеніѣ на Іерейство, сѣмъ радѣи винѣи, њзѣвѣрѣтѣшасѣ. Сѣмъ всѣмъ нерадѣніѣмъ, да въ Рѣссіѣи соединѣнной, њскорѣненна вѣдѣтъ, дѣзѣчныи Лѣзѣкѣнѣ, съ ѣгоже, не токѣмо до Іерейскаго Сѣиѣ готовѣщѣнсѣ Людѣе, њ њ самый Іерее, въ Славѣнскомъ њзоѣченнѣ ѡвѣрѣщѣтѣсѣ ѡзѣцѣѣ, Сѣпрѣслскаго Мѣнастырѣа Тѣпомѣ, њздаѣтѣсѣ съ толковѣніѣмъ словѣсѣ њеоудѣвь разѣмѣтелныхъ».

ра теологии, в 1694—1696г. был профессором риторики и философии в базилианской школе во Владимире-Волынском, затем секретарем ордена базилиан, а с 1703 по 1713 г. протоархимандритом. В 1711 г. Леон Кишка поставляется на владимирско-брестскую епископскую кафедру, а в 1713 г. избирается киевским митрополитом и исполняет эту должность до самой смерти в 1728 г., являясь одновременно и архимандритом Супрасльского монастыря.

Подробнее о Леоне Кишке см.: Недельский С. Униатский митрополит Лев Кишка и его значение в истории уни. Вильна, 1893; Дурбак Р. Митрополита діяльність Льва Кишки (1713—1728). Львів, 1939.

³⁹ См.: Николай (Далматов), архим. Супрасльский Благовещенский монастырь. С. 220, 329; Археографический сборник. Т. 9. С. 323—325.

⁴⁰ Процитируем фрагменты некоторых из них:

«Леон Кишка Божию и Святого Апостолскаго Фрону Милостию, архиепископ, Митрополита Киевский, Галицкий, и всея России, епископ Володимирский и Берестийский, Киевопечарский и Супрасльский Архимандрита. Понеже Святыи Собор Замойский единому токмо, Общежителному Монастыреви Супрасльскому, повеле и изволи, издание типом Катехисмов, Падежей совести и деяний Собора Замойскаго; сего ради да никтоже в свойственной си Типографии дерзнет нынѣшня сея книги, Падежей совести, Катехизму и Лексикону, типом изображати, под виною Клятвы, и утратою сицевых книг, взбраняем и завещаем. Писан в Супраслю дня 2 Месяца Генваря. 1722. Леон Митрополита, рукою власною» (Л. 1 об.).

«... собор ... узаконяет, дабы койждо презвитер, в вся дни недельныя по евангелии, и в иншыя часы удобнейшыя, егда множество людей будут в церкви, научил их, яже ведати должны суть, да спасутся, от Катихизму, его же, аще мало памятовати будут, чести в услышание всем может» (Л. 5 об.—6).

⁴¹ «Собрание» содержало «в себе науку о сакраментях, о десяти божиих приказанях, о приказанях церковных и науце христианской с выкладом символа или исповедания веры православныя кафолическия, с владом молитвы: Отче наш и Богородице дево, такожде науку, как подобает наставляти малых или невежов в веры православной» (Тит. л.). Последняя часть книги «о науке христианской» (Л. 137—152) была напечатана параллельно на «русском» и латиницей на польском языке.

Важное во всех отношениях свидетельство это, касающееся судеб церковнославянского языка в жизни восточнославянской униатской церкви, трактовалось и до сих пор трактуется учеными весьма своеобразно. Собственно, абсолютное большинство авторов, ссылающихся на этот документ, никогда его не видело. Они просто воспользовались сведениями о нем, полученными из вторых или даже третьих рук, сведениями, восходящими к изначально неверному, весьма одностороннему прочтению более чем вековой давности. Выводы же при этом делались весьма далеко идущие, не исключая и интегральных характеристик этнокультурной ситуации в униатской среде: «В чистом виде церковнославянский постепенно забывался и среди духовенства. Как констатировал в 1772 г. (так!) митрополит Л. Кишка, едва ли хотя бы каждый сотый иерей владеет им»⁴². Одним словом, налицо забвение того, что правильное прочтение документа предполагает обязательное знакомство с оригиналом или хотя бы с максимально точной его копией, возможно полное знакомство с обстоятельствами появления документа и, наконец, точный анализ его собственно текстового контекста, важнейшей составляющей которого в нашем случае служит словарная часть «Лексикона», нимало не интересовавшая историков ни столетие назад, ни сейчас⁴³.

Полный экземпляр «Лексикона» содержит 32 нумерованных листа и один нумерованный, где приведен перечень опечаток («Omyłki Tyrografskie, znayduiace sie w Lexikonie»). «Лексикон» отпечатан черной краской в два столбца. Его художественное убранство ограничивается простой концевкой растительного орнамента и такими же заставками и рамками. Все они повторяются и в других изданиях Супрасльской типографии как кирилловских, так и напечатанных латиницей. Основные шрифты текста — мелкий кирилловский и мелкий латинский (польский) курсив — часто встречаются во многих других супрасльских изданиях. Вслед за «Предисловием» идет основная, словарная, часть «Лексикона». Она состоит почти из четырех тысяч «славенских» слов и примерно пяти тысяч объясняющих их польских слов и выражений. Там, где это необходимо в интересах максимальной точности передачи смысла «славенских» слов, приводится несколько польских определений (например, слово «Былие» поясняют три польских, далеко не однозначных по смыслу определения — «Ziele. Lekarstwo. Tru izna».)⁴⁴. Иногда отдельные «славенские» слова поясняются целыми предложениями (например, слово «Акриды»: «Ziele, ktore z ziol ro puch smaki do siebie przu iaga»)⁴⁵. Все слова в «Лексиконе» подобраны по признаку их наиболее частой употребляемости и в то же время по признаку «неудобь разуметельных», то есть наименее понятных в церковном обиходе. В нем содержатся имена существительные, прилагательные, глаголы, причастия, деепричастия, местоимения, наречия, союзы. Супрасльский «Лексикон» заметно отличается от известных печатных словарей П. Берынды («Лексикон славеноросский», Киев, 1627 г. и его кутейнского переиздания 1653 г.) и Ф. Поликарпова («Лексикон трехязычный». М., 1704), которые были использованы составителями супрасльского «Лексикона»⁴⁶. Несомненно также, что составители его пользовались и рукописными лексиконами, количество которых стало особенно значитель-

⁴² Марозава С. Берасцейская унія і этнічная свядомасць беларусаў // Беларускі гістарычны агляд. 1996. Т. 3. С. 167.

⁴³ Впрочем Лексикон никогда не привлекал должного внимания даже со стороны лингвистов (подробнее см.: Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Супрасльский церковнославяно-польский словарь 1722 г. С. 29—31, 36—37).

⁴⁴ Ср. толкование этого слова в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (М., 1975. Вып. 1. С. 364), а также в «Лексиконе славеноросском» Памвы Берынды (Киев, 1627. Стб. 16).

⁴⁵ Подробнее о толковании слова «акрида» в восточнославянских словарных источниках см.: Ковтун Л. С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977. С. 96—99, а в западнославянских — Kwilecka I. Niek re osobowo ci leksykalne pochodzenia biblijnego i ich funkcjonowanie we wsp ̄czesnej polszczy nie // Procesy rozwojowe w j̄zykach s̄owiāskich. Warszawa, 1992. S. 101—106, 110—111.

⁴⁶ Лексиконы эти имелись в богатейшей библиотеке Супрасльского монастыря (подробнее см.: Щавинская Л. Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV—IX в.: Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря. Минск, 1998).

ным к концу XVII в.⁴⁷ Такие лексиконы имелись в библиотеках многих тогдашних белорусских монастырей, в том числе и в Супрасльской⁴⁸.

Однако использование составителями супрасльского «Лексикона» уже имеющихся материалов отнюдь не умаляет их работы. Издание «Лексикона» 1722 г. — труд специальный, потребовавший значительной подготовки, сил и знаний. Это подтверждают словарный состав «Лексикона», не совпадающий полностью ни с одним известным нам печатным словарем, большее, нежели в известных нам лексиконах, количество слов на отдельную букву, изменение грамматических форм слов, изменение орфографии и ударений⁴⁹. Такую работу мог проделать только опытный лексикограф или же несколько лиц, пользовавшихся как печатными, так и рукописными материалами. Работа эта требовала и хорошего знания, по крайней мере, трех языков: церковнославянского, польского и отчасти греческого, а также знакомства, как это следует из текста самого словаря, с латинским и «русским» языками⁵⁰.

Сохранившиеся документы позволяют сделать некоторые предположения относительно тиража «Лексикона». Особенно любопытен документ, подписанный 24 октября 1788 г. префектом Супрасльской типографии М. Оссуховским, в котором излагается история распространения изданий ти-

⁴⁷ См., напр.: Суднік М. Р. Гісторыя ўзнікнення і этапы развіцця беларускай лексікаграфіі старажытнай пары // Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР. Мінск, 1957. Вып.4. С. 62—122.

Необходимо заметить, что примеры составления обратных, по отношению к нашему «славяно-польскому», словарей относятся ко второй половине XVII в., когда они были подготовлены выходцами из Белоруссии и Украины или же их учениками для «скорого ради... разумения» этих языков, то есть «польского и славенского», теми или иными лицами в Москве. Словари эти отлично сохранились, что, впрочем, не способствовало пока их более или менее подробному изучению (см., напр.: Witkowski W. Dwa rękopiśmienne słowniki polsko-cerkiewno-ruskie z XVII w. // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagellońskiego. Prace Językoznawcze. Kraków, 1961. Z. 4. S. 217—225; Дядиакін М., Стрєкалова З. Н. Из истории русской лексикографии // Славянское источниковедение. М., 1963. С. 124—131). Впрочем, нужно подчеркнуть, что «славенский» язык этих словарей далеко не тождественен «славенскому» языку (церковнославянскому) нашего Лексикона.

⁴⁸ Подробнее см.: Цявинская Л. Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV—IX в.

⁴⁹ Нельзя не привести прямо противоположные мнения по поводу характера ударений в нашем «Лексиконе»:

Ознакомившись с ним, профессор И. Огиенко, будущий митрополит Илларион, писал: «Ударение это... весьма отлично от московского церковного ударения как современного, так и давнишнего» (Огиенко І. Українська вимова богослужбового тексту в XVII віці: Нарис з історії української фонетики // ЕЛПШ. 1916. № 1. С. 32). Он же несколько позднее подтвердил уже им сказанное: «... в 1722 г. в Супрасльской типографии напечатаны... церковнославяно-польский словарь, в котором ударение целиком было старым украинским...» (Огиенко І. Богослужбова мова в слав'янських церквах // ЕЛПШ. 1931. № 5. С. 43).

Иной взгляд на этот же предмет имел владеец «Лексикона», живший за столетие до И. Огиенко, видимо, склонный к сравнительному анализу церковно-образованный книжник, обитавший в местечке Крево на северо-западе современной Беларуси: «В сем Лексиконе ударение несходное с ударением Московской Киевской и Почаевской Типографии...» (запись на форзаде экземпляра «Лексикона», хранящегося в Научной библиотеке Вильнюсского университета. Р. 220). Книжник этот, а им предположительно был настоятель местной Успенской церкви о. Лев Зенкович, оставил на страницах «Лексикона» всевозможные свои дополнения, уточнения и исправления на польском и церковнославянском языках, касающиеся содержательной части издания.

⁵⁰ Небольшую работу о польском языке в «Лексиконе» недавно опубликовал известный краковский славист, профессор Ягеллонского университета В. Витковский (см.: Witkowski W. O polszczyźnie bazylikańskiego słownika supraskiego z 1722 r. // Słowiańskie pogranicza językowe: Zbiór studiów. Warszawa, 1992. S. 209—213). Впрочем, наблюдения, сделанные ученым, далеко не бесспорны. Мы еще слишком мало знаем о так называемом «польском языке кресов», имеющем свою весьма долгую и запутанную историю, хотя бы абрисом отобразить которую пока не представляется возможным. Вот, например, как отзывался о природном польском языке упоминавшегося уже современника Леона Кишки патрона базилианского ордена К. С. Радзивила его опекун во время учебы в люблинском иезуитском коллегиуме К. А. Чихровский: «...księ, zęcia Karola przy łacinie i do polszczyzny przyczam, bo barzo po polsku vitiosissime męwil i nie wiem skęd contrahit mazowieckiej mowy sibillum, tak dalece, że się go aegerzime oduczycz moęe, co by mu i do francuskiego języka przeszkadzało» (цит. по: Polski Słownik Biograficzny. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź, 1987. T. XXX. S. 240).

пографии, отпечатанных после Замостского собора. Типография монастыря должна была отпечатать одобренные собором книги для десяти тысяч восточнославянских униатских церквей. Это делалось по инициативе Леона Кишки на монастырские средства. Книги печатались на бумаге супрасльської бумажной фабрики, построенной за десять лет перед тем, и переплетались за счет монастыря⁵¹. Все мероприятия по распространению книг по епархиям монастырь успешно выполнил. Это касалось и «Лексикона», в котором нуждалась униатская церковь. Мы не предполагаем, что отпечатанных экземпляров супрасльського «Лексикона» было достаточно для всех униатских церквей, так как в Супрасле было осуществлено одно его издание и тираж, учитывая технические возможности, вряд ли мог достигать десяти тысяч. Однако в свете указанных фактов, а также роли, отводившейся «Лексикону», очевидно, что тираж его был достаточно большим. Реализация тиража производилась в основном путем рассылки с книжного склада⁵² по центрам епархий, откуда, в свою очередь, книги распределялись по приходам⁵³.

Собранные нами материалы свидетельствуют, что супрасльський «Лексикон» сыграл выдающуюся роль в поддержании герменевтической однородности белорусско-украинского литургического пространства в XVIII и XIX в. Он получил широчайшее распространение в униатской среде. В XIX в. пользовались им и православные, причем не только те, кто недавно еще был униатом⁵⁴. Супрасльський «Лексикон» оказался весьма ценным пособием как для непосредственного чтения произведений кирилловской книжности, так и в деле изучения «славянского» языка в белорусской, украинской и польской среде⁵⁵. Поражает не только широта распространения этого издания — от местечка Цехановца в нынешнем Подляшском воеводстве Польши, на самой западной границе бывшего Великого княжества Литовского, где, по крайней мере, с XV в. стоит Вознесенская церковь⁵⁶, до церквей гомельского благочиния на самой восточной границе бывшего Великого княжества Литовского, на нынешней границе Белоруссии с Россией⁵⁷. Поражает особое отношение владельцев и чи-

⁵¹ Экземпляры супрасльського «Лексикона» часто переплетались вместе с «Собранием припадков», составлявшими некий необходимый для униатского духовенства в данный момент справочный корпус. Следует добавить, что два почаевских переиздания «Лексикона» 1751 и 1756г. были именно припечатаны к «Богословии нравоучительной» (особая редакция того же «Собрания припадков») — они имеют общий с первой частью издания счет тетрадей и даже последние страницы первой части и первые страницы «Лексикона» отпечатаны на одном и том же листе и входят в одну тетрадь. Супрасльський «Лексикон» типографски полностью оформлен как отдельное издание.

⁵² См.: Николай (Далматов), архим. Супрасльський Благовещенский монастырь. С. 567.

⁵³ См.: Археографический сборник. Т. 9. С. 323, 325, 391.

⁵⁴ В настоящее время нам известно более сорока экземпляров супрасльського «Лексикона»; шесть из них — в собраниях Польши. Здесь они имеются в Библиотеке Народовой в Варшаве (2 экз. — W12638, Суг. 218 adl), Курницкой библиотеке Польской Академии наук (инв. № 114573), Варшавской университетской библиотеке (4г 13. 5. 27в), Ягеллонской библиотеке в Кракове (инв. № 32498). Одиннадцать экземпляров находится во Львовской научной библиотеке им. В. Стефаника (Ст — II—2541, 2543, 2545, 2552, 2553, 2641, 2645, 2647, 2649, 2651, 4454); семь экземпляров в Центральной научной библиотеке НАН Украины в Киеве (Кол. Попова, 49; Кир. 504 (комп. 2); Кир. 4310—4314); по четыре экземпляра в Российской государственной библиотеке в Москве (инв. № 2069, 2070, 4490, 6378), в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (VII. 5. 21 а-г), Научной библиотеке Вильнюсского университета (инв. № 1323453, 1323454, 1323455, 201882). По два экземпляра хранится в Национальной библиотеке Беларуси (инв. № 09/4059, 09/4064), Российском историческом музее в Москве (ЦЩап. 946, Меньш. 1786). По одному экземпляру «Лексикона» имеет Библиотека Российской Академии наук в Санкт-Петербурге (3236 сп), расположенный там же Российский государственный исторический архив (№ 68), а также Львовский исторический музей (CD — 273).

⁵⁵ Отдельные экземпляры супрасльського «Лексикона» попадали и в русские библиотеки уже в XVIII в. (см. экземпляр РГБ с инвентарным № 2069).

⁵⁶ См.: Родоский А. С. Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной академии. СПб., 1898. Вып. 2. С. 53.

⁵⁷ См. запись на экземпляре «Лексикона», хранящегося в Национальной библиотеке Беларуси в Минске (шифр 09/4059).

тателей к этой книге, оставивших на ее страницах такое количество всевозможных записей и помет, анализ которых позволяет сделать множество выводов самого различного свойства и направленности. В частности, о функционировании в их среде церковнославянского языка, адекватности толкования тех или иных текстов, вплоть до отдельных выражений и даже слов; образованности сделавших записи, их этнокультурной, религиозной и национальной ориентации, наконец, различных сокровенных симпатиях, не исключая и политические. Особое значение этот материал имеет, конечно же, для историка церкви и церковной культуры, в изучении которой светские исследователи не только у нас, но даже и за рубежом сделали пока что немного. Например, записи эти позволяют проследить в общих чертах судьбу такого интереснейшего явления, тесно связанного с церковной практикой, как восточнославянское «старостильничество» — подлинной terra incognita для современных культурологов, историков, этнологов и вообще гуманитариев, изучающих жизнь тех или иных народов, неким стержнем и ориентиром которых оно являлось.

Записи свидетельствуют, что в самое разное время, вплоть до XIX в. включительно, супрасльский «Лексикон» охотно покупался и перекупался порой за весьма высокую цену. Дефицит его экземпляров и все возрастающие потребности, то значение, которое придавали супрасльскому «Лексикону» иерархи восточнославянской униатской церкви и монахи-базилиане, объясняют факт его последующих переизданий⁵⁸. В 1751 г. в типографии Почаевского монастыря была осуществлена первая перепечатка супрасльского «Лексикона», припечатанного к «Богословии нравоучительной», а в 1756 г. там же — вторая. В 1804 г. в Почаеве осуществлено его переиздание отдельной книгой⁵⁹. Супрасльский «Лексикон», первый и в течение более чем столетия единственный печатный церковнославяно-польский словарь большого объема, активно использовался и при составлении иных подобных словарей. Упомянем только важный во всех отношениях «Приручный словарь славено-польский или Собрание речений славенских неудобь разумебельных, обретающихся в книгах церковных, на язык польский толкованных» (Лвигород, 1830)⁶⁰. Впрочем, свое значение в качестве церковнославяно-польского словаря, необходимого для адекватного прочтения униатской кирилловской книжности и литературы XVI—XIX вв., супрасльский «Лексикон» не утратит никогда. Да и в наши дни там, где в среде православных активно используется польский язык, ставший, по сути, родным, — в Польше, отмечен опыт приложения этого словаря к учебнику церковнославянского языка⁶¹.

В XIX столетии восточнославянское униатское литургическое пространство после ликвидации унии еще долго сохраняло многие свои знаки и атрибуты. Мы могли бы показать это, ссылаясь на множество дошедших до нас архивных документов, нарративных источников и записей на тех или иных литургических книгах и экземплярах «Лексиконов». Все перечисленное — колоссальная база данных. Для краткости же ограничимся цитатой из книги одного ученого — очевидца и исследователя событий тех лет, православного протоиерея профессора А. Ф. Хойнацкого (1836—1888): «... наследовав... церкви и приходы униатских иерархов, западноруссы вместе с сим наследовали от них и униатские богослужебные книги. И по этим книгам до последнего времени служили не десятки и сотни, а целые тысячи православных священников западного края России, — большею частью не обладая средствами приобрести книги православные, а иногда и прямо по одному простому непони-

⁵⁸ См.: Лабынцев Ю. А. Первый славяно-польский печатный «лексикон» (1722) и его переиздания // Русско-польские связи в области книжного дела. М., 1980. С. 35—44.

⁵⁹ Подробнее см.: Лабынцев Ю. А. Первый славяно-польский печатный «лексикон» (1722) и его переиздания.

⁶⁰ Активно использовался супрасльский «Лексикон» и составителем такого остававшегося до недавнего времени в рукописи значительного лексикографического труда как словарь греко-католического священника с Покутья Федора Витвицкого (см.: Słownik polsko-cerkiewnosłowiańsko-ukraiński Teodora Witwickiego z połowy XIX wieku. Opracował Józyp Dzedzieliński. Redaktor Janusz Ricger. Warszawa, 1997).

⁶¹ См.: Strach S., ks. Krotka gramatyka języka cerkiewnosłowiańskiego. Białystok, 1994.

манию униатских книг, их антиправославного характера и направления»⁶². Непонимание это не являлось случайным. Оно было связано прежде всего с сакрализацией церковнославянского языка, непрерывностью кирилло-мефодиевской культурной традиции, схожестью коммуникационно-трансляционных функций церковнославянской книжности и письменности. Не удивительно, что, как показывают наши наблюдения, в некоторых приходах официально перешедших на православие в 1875 и даже в 1839 г. служили по униатским книгам вплоть до конца XIX в., а в самых глухих уголках еще и в начале XX.

⁶² Хойнацкий А. Ф. Западнорусская церковная уния в ее богослужениях и обрядах. Киев, 1871. С. 40—41.

